

Научная статья

УДК 82.14

doi: 10.17223/19996195/60/3

СТИХОТВОРНЫЙ ДИАЛОГ В. БРЮСОВА И А. БЕЛОГО: МЕЖДУ ТЕКСТОМ И ЖИЗНЬЮ

Любовь Геннадьевна Кихней¹, Анна Владиславовна Ламзина²

¹ *Московский университет им. А.С. Грибоедова, Москва, Россия, lgikhney@yandex.ru*

² *Московский физико-технический институт (Национальный исследовательский университет), Москва, Россия, alamtina@mail.ru*

Аннотация. Объектом рассмотрения являются стихотворные обращения Валерия Брюсова и Андрея Белого, которыми поэты обменивались в 1900-х гг. Доминирующая жанровая установка на диалог с адресатом дает возможность вписать взаимные адресации Брюсова и Белого в общесимволистский поэтологический контекст начала XX в., когда послания/посвящения был своего рода мейнстримом. Приводится рецептивный анализ диалогических и мифотворческих установок Брюсова и Белого, осуществленных в их взаимных посвящениях/посланиях друг к другу, составивших дуальное единство. Источниками исследования послужили взаимные стихотворные обращения Валерия Брюсова и Андрея Белого 1903–1909 гг., а также мемуарные свидетельства и личная переписка поэтов. В ходе исследования применялись биографический, культурно-исторический, коммуникативно-семантический и сравнительно-исторический методы.

Показано, что взаимные адресации одновременно включаются в два смысловых контекста: жизненно-биографический и эстетико-философский. Уникальность адресованных жанров у данных авторов заключается в том, что эти жанровые образования позволяют объединить оба этих плана и выйти к теургической доминанте символистского творчества. Сама жанровая природа посланий/посвящений подразумевает аккумуляцию жизненных и творческих установок в их полифоническом многообразии. На формальном уровне взаимоадресации мэтров символизма рассмотрены как единый свод, пронизанный родственной топикой и общими нарративными элементами. Выявлен общий мотивно-фабульный паттерн, который «распределяется» между двумя поэтическими системами и приводит к формированию общего и для Брюсова, и для Белого образно-сюжетного комплекса. Этот «сюжет на двоих» восходит к младосимволистскому неоплатоническому коду, который реализуется в знаменитой философской триаде «тезис – антитезис – синтез».

Стихотворная переписка В. Брюсова и А. Белого трактуется как мировоззренческая дуэль, имплицитно реализующая драматические ситуации личных и «щеховых» отношений, с четким разделением эстетических и этических ролей в начале конфликта, и их «нераздельностью и неслиянностью» в финале. Эти роли структурируют и метасюжет эпистолярного романа, перипетии которого сводятся к бинарным оппозициям «света» и «мрака», небесного и земного, божественного и демонического начал. Однако одновременно этот обмен посланиями предстает как философский диалог о роли поэта в символистском дискурсе, диалог, отражающий амбивалентные тенденции течения как к консолидации, так и к размежеванию. Доказывается, что этими идейными установка-

ми определяется выбор амплуа автора и адресата (пророк, маг, теург, брат, враг, демон), которые индексируются в «раме» текста и несут в себе не только эстетический, но и некий провиденциально-магический заряд, реализующийся в моделях поведения и творчестве обоих поэтов.

Ключевые слова: послание/посвящение, жанр, стихотворная переписка, автор, адресат, символизм, теургия, «рама» текста, миф

Для цитирования: Кихней Л.Г., Ламзина А.В. Стихотворный диалог В. Брюсова и А. Белого: между текстом и жизнью // Язык и культура. 2022. № 60. С. 38–56. doi: 10.17223/19996195/60/3

Original article

doi: 10.17223/19996195/60/3

POETIC DIALOGUE BETWEEN V. BRYUSOV AND A. BELY: TEXT AND LIFE

Lyubov G. Kikhney¹, Anna V. Lamzina²

¹ *Moscow University named after A.S. Griboyedov, Moscow, Russia, lgkikhney@yandex.ru*

² *Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University),
Moscow, Russia, alamzina@mail.ru*

Abstract. The object of consideration is the poetic appeals of Valery Bryusov and Andrei Bely, which the poets exchanged in the 1900s. They, as a rule, were connected by the unity of the author's strategies, cross-cutting motives and had a certain aesthetic integrity and completeness. The purpose of this article is a receptive analysis of the dialogical and myth-making attitudes of Bryusov and Bely, implemented in their mutual initiations/messages to each other, which formed a dual unity. The sources of the study were the mutual poetic appeals of Valery Bryusov and Andrei Bely in 1903–1909, as well as memoirs and personal correspondence of the poets. In the course of the study, biographical, cultural-historical, communicative-semantic and comparative-historical methods were used.

Firstly, in the content structure of the poetic addresses of Andrei Bely and Valery Bryusov to each other, the dominant genre setting for a dialogue with the addressee is singled out, which makes it possible to identify these poems as messages/dedications. This makes it possible to enter the mutual addressing of Bryusov and Bely in the general symbolist poetological context of the early twentieth century, when this genre was a kind of mainstream. Secondly, the work shows that poetic addressing is simultaneously included in two semantic contexts: life-biographical and poetic-semantic. The uniqueness of the addressed genres of these authors lies in the fact that these genre formations make it possible to combine both of these plans and reach the theurgical dominant of symbolist creativity. The very nature of the genre of lyrical addressing implies the accumulation of life and creative attitudes in their polyphonic diversity. Thirdly, at the formal level, the mutual addressing of the masters of symbolism is considered as a single code, permeated with related topics and common narrative elements. Thus, the work reveals a common motive-plot pattern, which is "distributed" between the two poetic systems and leads to the formation of a figurative-plot complex common to both Bryusov and Bely. This "plot for two", as shown in the article, goes back to the Neo-Symbolist Neoplatonic code, which is realized in the famous philosophical triad "thesis – antithesis – synthesis".

As a result, the poetic correspondence between V. Bryusov and A. Bely is interpreted as an ideological duel, implicitly realizing the dramatic situations of personal and "guild" relations, with a clear separation of ethical and ethical roles at the beginning of the conflict, and their "inseparability and separability" at the end. These roles also structure the metaplot of the epistolary novel, the vicissitudes of which come down to the binary oppositions of "light" and "darkness", heavenly and earthly, divine and demonic principles. However, at the same time, this exchange of messages appears as a philosophical dialogue about the role of the poet in Symbolist discourse, a dialogue that reflects the different vectors of the creative aspirations of the Symbolists and, consequently, the ambivalent tendencies of the current both towards consolidation and towards demarcation. It is proved that these ideological attitudes determine the choice of the role of the author and the addressee (brother, enemy, theurgist, prophet, magician, demon), which are indexed in the frame of the text and carry not only aesthetic, but also some kind of providential-magical charge, which is realized in models behavior and work of both poets.

Keywords: message/dedication, genre, poetic correspondence, author, addressee, symbolism, theurgy, text frame, myth

For citation: Kikhney L.G., Lamzina A.V. Poetic dialogue between V. Bryusov and A. Bely: text and life. *Language and Culture*, 2022, 60, pp. 38-56. doi: 10.17223/19996195/60/3

Введение

В атмосфере литературной коммуникации Серебряного века резко возрастает интерес символистов к адресованным жанрам. Так, например, в сборнике Андрея Белого «Золото в лазури» редкое стихотворение в заголовочном комплексе не имеет пометы, адресующей текст к некоему лицу, как правило, собрату по перу.

Послания символистов часто объединялись в авторские циклы, связанные сквозными, как правило, поэтологическими мотивами. Однако, как и в бытовой переписке, письма в стихах порождали ответные послания, что приводило к неоднократной смене ролей: адресант становился получателем письма, а адресат – автором.

Подобный стихотворный диалог особенно ярко воплотился в творческом общении Валерия Брюсова и Андрея Белого в 1903–1909 гг. По нашей гипотезе, этот диалог сфокусировал в себе, во-первых, важнейшие общесимволистские установки (прежде всего, установку на коммуникативную близость, цеховое родство), во-вторых, жизненно-личностную канву общения, впрочем, преломляемую авторским вариантом символистского мифа. Несмотря на то что отдельные аспекты темы и источники были рассмотрены в трудах литературоведов [1–9], однако целостного аналитического рассмотрения эта стихотворная переписка еще не получила.

Цель настоящей статьи – анализ диалогических установок Брюсова и Белого, осуществленных в их взаимных посланиях друг к дру-

гу, и интерпретация рецептивного аспекта семантики поэтических адресаций в философском, мифопоэтическом и жизненно-биографическом аспектах.

Методология исследования

Источниками исследования послужили стихотворные обращения Валерия Брюсова и Андрея Белого, которыми поэты обменивались в 1900-х гг.

Это цикл Андрея Белого «Не тот» (1903), его стихотворения «Маг» (1903), «Старинному врагу» (1904), его же цикл «В. Брюсову» (1909); и ответные стихи Валерия Брюсова: «Андрею Белому» (1903), «Бальдеру Локи» (1904), «Бальдеру II» (1905), «Андрею Белому» (1909). К анализу по мере надобности привлекался и широкий контекст творчества обоих поэтов и других символистов. В сфере рассмотрения оказались также некоторые материалы к биографии (личная переписка поэтов, мемуарные свидетельства и пр. [10–12]).

В комплексной методологии, использованной при анализе предлагаемого материала, мы акцентируем в качестве основных биографический, культурно-исторический, сравнительно-исторический, коммуникативно-семиотический методы.

Исследования и результаты

Стихотворные адресации Брюсова и Белого в общесимволистском коммуникативном контексте. Фактическим отражением житнетворческих установок символизма, их своего рода квинтэссенцией явились стихотворные адресации символистов. Важно отметить, что они имели разный коммуникативный статус. Само наличие посвятельного индекса в «рамке» стихотворения создавало – порою слабое, а порою и сильное – поле коммуникации с адресатом, выносило стихотворение в область межличностного и цехового общения.

В первом случае наличие посвящения в рамочном тексте очерчивало «свой круг», содружество посвященных, поэтов-эзотериков, говорящих на одном языке, разделяющих одни и те же мировоззренческие ценности. Во втором случае, если посвящение не было формальным, а выполняло роль полновесной адресации, текст стихотворения становился коммуникативным полем, на котором разыгрывался воображаемый диалог автора с реципиентом.

Большинство взаимных посвящений Андрея Белого и Валерия Брюсова обладают двойной прагматико-коммуникативной модальностью. Все они (за исключением послания Брюсова «Бальдеру II») были опубликованы в литературных альманахах и (или) в авторских сборни-

ках. То есть они были не только обращениями к конкретному корреспонденту, но и адресациями к широкому читателю.

Не случайно Брюсов в «Автобиографии» писал о «рамке» сборника «Urbi et Orbi» (в котором было помещено его первое посвящение Андрею Белому): «Его заглавием я хотел сказать, что обращаюсь не только к тесному “граду” своих единомышленников, но и ко всему “миру” русских читателей» [13. С. 604].

Поливалентность адресации приводит к тому, что посвятельный индекс в «рамке» текста становился величиной переменной. Так, брюсовское стихотворение «Бальдеру Локи», посланное Белому как частное письмо, в первой публикации в «Северных цветах» предварялось посвящением «Андрею Белому» [14. С. 35–36], а в авторском сборнике «Στέφανος. Венок. Стихи 1903–1905» посвящение было снято, а само стихотворение вошло в цикл «Правда вечная кумиров» [13. С. 388–389].

Мы можем видеть и противоположный ход: в стихотворном ответе Белого под заглавием «Старинному врагу», написанном и отосланном Брюсову 9 декабря 1904 г. [1. С. 337–338], посвятельный индекс не стоит, так как в контексте частной переписки он избыточен. Однако Белому при публикации стихотворения (в «Вопросах жизни». 1905. № 3. С. 100) было важно конкретизировать адресата хотя бы инициалами, что реализуется в «рамке» текста в виде посвящения).

Подобные игры с рамочными элементами посвящений весьма значимы: они обнажают двойное, а подчас и тройное коммуникативное намерение автора и предполагают объемную оптику восприятия текста, ориентированного: а) на конкретного адресата, б) единомышленников по символизму, в) и шире – на модернистски ориентированную читательскую аудиторию.

Теза. Завязка стихотворного диалога Брюсова и Белого. В поэтическом диалоге мэтров символизма адресат предстает как реальная коммуникативная инстанция, воплощаемая в образном материале, источником которого оказываются сами поэтические книги адресата и адресанта. Адресат в этом случае становится лирическим героем, представленным в образных координатах его же творчества. Причем на первый план выдвигаются две константные величины: хронотоп и герой в его внешней (портретной) и внутренней (духовной) ипостасях.

Объединяющие стихотворный диалог Белого и Брюсова образы – прежде всего ландшафтные. Это условная горная местность – со скалами, кручами, глухими безднами пр. Горный ландшафт – это и точка семантического пересечения лирических текстов обоих поэтов: он характерен и для хронотопа «Золота в лазури» Белого, и для «Tertium Vigilia» Брюсова.

Горы – это семиотически нагруженный образ. В символистской поэтике гора – это символ духовного восхождения (см.: [5. С. 17–37; 9. С. 576–585]), поэтому вполне закономерно, что в центре «горного» пространства оказывается поэт-пророк. Так, Белый, открывая стихотворную переписку посвящением «Маг» (1903), называет Брюсова пророком, «вознесенным над временем» («пророк безвременной весны»), стоящим в «холодной вышине», «на утесе» [15. С. 562].

Белый опирается на характерные образы и мотивы ранних брюсовских книг «Juvenilia», «Tertia Vigilia», «Urbi et Orbi» [13. С. 36–37].

С помощью похожего образного строя воплощается лирический субъект в «Tertia Vigilia» – надмирный и панхроничный (см. цикл «Любимцы веков»), вознесенный в горные выси, окруженный орлами, скалами и пр.

Источником особенно явных рецепций Белого, на наш взгляд, является стихотворение «Возвращение», открывающее книгу «Tertia Vigilia». В нем присутствуют едва ли не все ключевые образы и мотивы, которые впоследствии появятся в «Маге» (мотив блуждания среди скал в соседстве с орлами; мотив зова свыше, пророческого прозрения, сна, эонической вечности («современности»), весны) [13. С. 141–142].

Белый избирает те образные комплексы, которые отражают, по его мнению, сущность Брюсова как поэта-символиста [15. С. 562]:

...И вот – утес, и вы стоите
в венце из звезд упорным магом
с улыбкой вещью глядите.

У ног веков нестройный рокот,
катясь бунтует в вечном сне.
И голос ваш – орлиный клекот...

В целом при моделировании образа Брюсова как объекта послания Белый акцентирует такие качества адресата, как надмирность и панхроничность, его вознесенность над временем и земным суетным бытием. Эта семантическая стратегия проецирует образ Брюсова на общий визуальный архетип, укорененный в глубинах человеческой культуры: человек на вершине горы, обладающий *тайным знанием* и/или *магической силой*.

Этот образ содержит в себе две ипостаси, которые находятся как бы в отношениях «дополнительной дистрибуции»: пророк-мистик (образ, характерный для Белого) и поэт-маг (образ, на который ориентировался Брюсов).

Так, Белый представляет Брюсова не только пророком («о тайне мира» «вопиющего»), с которым себя идентифицировал и сам Брюсов (ср. в его послании Бальмонту: «Мы – пророки...» [13. С. 349]), но ма-

гом. Разница здесь существенная: пророк предсказывает будущее, а маг его изменяет, влияет на него. Таким образом, Белый хочет видеть Брюсова теургом, воздействующим на окружающую действительность – в духе неоплатонизма Владимира Соловьева, в соответствии со своим вариантом символизма «как миропонимания» (ср. с его статьей с аналогичным названием).

Магический ореол Брюсова навеян не только литературными мотивами, но и спиритической практикой адресата. Спиритизм был для Брюсова, как указывает Н.А. Богомолов, способом «создания собственной художественной реальности», попыткой выхода «за пределы трех измерений пространства и повседневной психологической практики» [16. С. 295]. О стремлении выйти за пределы трех измерений реальности («голубой тюрьмы», по его выражению) он пишет в своей программной статье «Ключи тайн» (1904). Для него медиумические явления – аналог художественной практики. То есть по сути дела речь идет о стирании граней между «текстом искусства» и «текстом жизни», о перенесении мистических прозрений в области искусства в реальность. И наоборот: мистические явления жизни претворяются в «текст искусства». Ведь спиритизм, как пишет он в статье «Еще о методах медиумизма» [16. С. 303–308], как и искусство, обращен к человеческому духу, является способом духовного познания. Таким образом, Белый одним из первых в символистской среде конституировал имидж Брюсова как «мага», каковым его впоследствии воспринимали многие современники.

Тем не менее отношение Белого к магу Брюсову – амбивалентное, колеблющееся между негативным и позитивным полюсами. Эта амбивалентность отразилась в первую очередь в стихотворении «Маг» с посвящением Брюсову и цикле «Не тот», где, на наш взгляд, также конституируется образ мага.

В стихотворении «Маг» герой предстает как некая надмирная фигура, пусть и глубоко несчастная, но тем не менее философски масштабная. В других контекстах Белый оценивает брюсовского мага в коммуникативном пространстве скорее отрицательно. Помимо «Мага», посвященного Брюсову, в «Золоте в лазури» есть еще один цикл 1903 г., состоящий из шести стихотворений с заглавием «Не тот» и с посвящением «В.Я. Брюсову». Центральная ситуация этого мистического цикла в встрече с неким «учителем веселья», «новым Христом». Циклический сюжет разворачивается таким образом, что «учитель» оказывается лжепророком, Антихристом; а «пьянящий восторг» оборачивается «бредом роковым», «забытым хаосом», «мраком» [15. С. 529]:

И кто-то плачет, охвачен дрожью,
Охвачен страхом слепым: «Ужели

Все оказалось безумством, ложью,
Что нас манило к высокой цели?»

Для Белого такой магизм оказывается ложным, он соотнесен с мифологическим комплексом «лжепророка», укорененным в Новом Завете. Это подтверждается письмом Белого Э.К. Метнеру (от 25 июля 1903 г.), где Белый называет Брюсова «показным магом», который «играет роль с чувством и пафосом <...> перед целой Россией» [1. С. 332–333]. «Вот почему, – заключает далее Белый, – в своем стихотворении (речь идет о «Маге». – Л.К., А.Л.) я и постарался дать изображение идей и *прототипа* Брюсова» [1. С. 333].

Таким образом, тексты Белого, адресованные Брюсову в книге «Золото в лазури», вписываются в культурную парадигму модернистских произведений (от «Квадратных окошек» Ин. Анненского и «Предчувствую тебя...» А. Блока до «Когда в тоске самоубийства...» и «Поэмы без героя» А. Ахматовой) с карнавально-зловещим изменением образа лирического героя, под сакральной маской которого таятся демонические силы, падшие сущности.

Ответ Брюсова на ранние посвящения Белого: перипетии диалога. Ответом Белому стало стихотворение «Я многим верил до иступленности...» под заглавием «Андрею Белому» (включено в раздел «Оды и послания» книги «Urbi et Orbi»). Брюсов в ответном стихотворении вступил в поэтическую полемику с Белым, где указанные выше амбивалентные коннотации образа мага обрели зловещие обертоны.

Мы полагаем, что *Брюсов в этом послании к Белому ориентируется не столько на прямо обращенного к нему «Мага», сколько на цикл «Не тот»*. Если этого не принимать во внимание, то основные мотивы стихотворения «Андрею Белому» окажутся непонятными.

Конечно, из «Мага» Брюсов заимствует горный ландшафт. Но если в «Маге» Брюсов-адресат – на вершине гор, он как бы вознесен над миром и над временем («У ног веков нестройный рокот», «...над временем вознесены» [15. С. 562]), то в ответном стихотворении Брюсова его лирическое «я» – на самом дне («Как глухо в безднах, где одиночество, / Где замер сумрак молочно-сизый» [13. С. 353]); и лирический сюжет строится как восхождение – по велению голоса свыше [13. С. 353]:

Но снова голос! зовут пророчества!
На мутных высях чернеют ризы!

Читателю, знакомому с посвящением Белого, нетрудно догадаться, что чернеющие в вышине «риз» – это «черный плащ» Белого, перекочевавший из его послания к Брюсову. Если в первой адресации пророком был Брюсов, знающий (или могущий знать) «тайну неба», то

здесь роль пророка приписывается Белому (что, в частности, объясняет трансформацию плаща в ризы).

Лирическое пространство брюсовского послания насыщено ключевыми образами, оформленными как прямая речь адресата. На вопрос автора (Брюсова), из глубины взывающего: «Брат, что ты видишь?», – следует ответ, представляющий собой образную и концептуальную квинтэссенцию «Золота в Лазури» [13. С. 353]:

– Как отзвук молота,
Как смех внемирный, мне отзвук слышен:
«В сиянье небо – вино и золото! –
Как ярки дали! Как вечер пышен!»

Но далее сюжет развивается странным образом: поверив сим словам, лирический субъект устремляется вверх («через тернии к звездам»), но... наряду с верой в чудо преображения жизни (именно этот мотив открывает стихотворение) вдруг появляется мотив сомнения в обещании преображенной реальности и сопутствующий ему мотив мщениия за обманутые надежды [13. С. 353]:

...Горит надежда лучом усталым.
Я много верил, я проклял многое
И мстил неверным в свой час кинжалом.

Таким образом, если из «Мага» Белого Брюсов заимствует само «обстание», то из цикла «Не тот» Брюсов берет образ героя, находящегося в нижней точке бытия и взывающего «de profundis».

Не менее важна и образная гомология этих текстов. Так, у Белого в 4-м стихотворении цикла «Не тот» появляется семантика золотого сияния, вина, опьянения (ср. «И он на троне *золотом*, / весь *просиявший*, восседая, / волшебнo-пламенным *вином* / нас всех безумно *опьяняя*...» [15. С. 528]. В ответе Брюсова возникают те же ключевые семы в репрезентации «отклика» адресата: «В *сиянье* небо, *вино* и *золото*». Также перекликаются мотивы эзотерической веры в инобытие и последующего разочарования. И – как следствие – возникает семантический комплекс мщениия (с дериватами меча/кинжала), наблюдаемый и у Белого в цикле «Не тот», и у Брюсова в «Андрею Белому». Дополнительным доказательством в пользу нашей версии выступает идентичность ритмического рисунка пятого стихотворения цикла Белого (где наиболее концентрированно дан образ мага) и брюсовского «ответа».

Таким образом, движение лирического сюжета в послании «Андрею Белому», отдельные образные детали и метрико-ритмическая схема указывают на то, что *еще одним* прототипом этого брюсовского стихотворения оказывается цикл «Не тот» Белого.

Получается, что Брюсов заимствует мотивы адресованного ему цикла, но по-новому разыгрывает сюжетную ситуацию, расставляя свои смысловые акценты. Он как бы вживается в роль «пророка» и одновременно «лжепророка» из цикла Белого, но зеркально переворачивает сюжетную ситуацию. Если у Белого мщение внезапно, inferнально и необъяснимо, то Брюсов дает объяснение, откуда взялся этот мотив. Все дело в экзистенциальном обмане: лирический субъект Брюсова не может простить предательства, волшебная обитель «знания нового», культивируемого младосимволистами, оказалась фата-морганой, пророчества – ложными. «Пресуществления жизни» в духе мистических построений поэтов-соловьевцев (Белого, прежде всего) не произошло.

Знаменательно, что в книге «Urbi et Orbi» стихотворение «Андрею Белому» соседствует со стихотворением «Младшим» (1903), посвященном – как следует из его заглавия – младшему поколению символистов, поклоняющихся Прекрасной Даме и воочию верящих в истинность ее (ино)бытия и – следовательно – в теургического миссию искусства. В этом послании, построенном на ключевых образах младших символистов (в частности, Блока), Брюсов сокрушается, что сенсорного восприятия инобытийных сущностей ему не дано (ср.: «Они Ее видят! Они Ее слышат! <...> А я безнадежно бреду за оградой» [13. С. 353]). Отсюда мотив экзистенциального одиночества, обделенности, подкрепленный аллюзиями на Ф. Тютчева, как бы вплетенными в образную ткань посвящения (ср. с тютчевским стихотворением: «Пошли, Господь, свою отраду...», 1850).

В семантическом плане послание «Младшим» варьирует мотив чувственного *восприятия* трансцендентальных сущностей соловьевцами и их тотального *невосприятия* Брюсовым. Ср. брюсовским вопрошанием в «Андрею Белому»: «Брат, что ты видишь?» [13. С. 353] и с его же восклицанием: «Они Ее видят!» в «Младшим» [13. С. 353]. Причем, в послании к Белому (одному из «младших») перед нами герой разуверившийся в идеалах своих соратников и готовый мстить обманувшим его.

Налицо экзистенциальный и эстетический конфликт с Андреем Белым как собратом по цеху, глубоко спрятанный в подтекст посвященного ему стихотворения. Полемические и антиномические его коннотации ответа Брюсова постигаются только в поливалентном смысловом поле адресованного к нему цикла Белого «Не тот» и его послания «Младшим».

Антитеза. Кульминация поэтической полемики Брюсова и Белого. Герой-мститель Брюсова, мстящий «неверным в свой час кинжалом», интерпретировался Белым в евангельском ключе. Белый воспринимал эти стихи следующим образом: «В стихах, посвященных мне,

он (т.е. Брюсов. – Л.К., А.Л.) угрожает мне: если я приму “сребреники”, – то кинжал ожидает меня» [10. С. 147]. Значит Белый соотносил это послание с легендой о предательстве Иуды (новозаветные аллюзии такого же порядка будут и в брюсовском послании Белому 1909 г.).

В свете этого замечание комментаторов переписки Белого и Брюсова, что «Белый воспринимал это стихотворение исключительно в личном плане, связывая его с обострением отношений между ним, Брюсовым и Н.И. Петровской [1. С. 334], представляется излишне категоричным. Первое брюсовское послание Белому выполнено (и воспринимается) в философско-мировоззренческом ключе, а личный, жизненно-конкретный план отношений поэтов более отчетливо воплотился в посланиях Брюсова «Бальдеру Локи» (1904) и в ответе Белого «Старинному врагу» (1904).

Мы полагаем, что указанные тексты знаменуют дальнейшее развитие поэтического диалога Брюсова и Белого. Их коммуникативное противоборство маркируется в первую очередь сюжетно. При этом сюжет противостояния, отчетливо заданный ранее, облачается в одежды иных мифологических сюжетов и образов. Причем инвариантный каркас текстов не изменяется: как и в предыдущем случае, их основание обнаруживается в мотиве семантической инверсии. Только здесь оппозиция «глубина – высота» осложняется противопоставлением «свет – тьма». Семантика света сопрягается с образом Белого, а тьма/сумрак соотносится с Брюсовым.

В стихотворении «Бальдеру Локи» в мифологизированном скандинавском сюжете отражено реальное жизненное и идейно-философское противостояние Брюсова и Белого. Бальдер и Локи, как известно, герои скандинавских мифов. Бальдер – юный сын Одина, «светлый» бог; в мифах он играл роль пассивной жертвы, что отмечено и в авторских примечаниях к этому стихотворению в сборнике «Στέφανος. Венок. Стихи 1903–1905»). Локи отмечен чертами демонизма, стихийности; в мифах для него характерна роль ссорящего богов [17. С. 81–82]. В послании Белый – Бальдер наделен цельностью, лучезарностью, он – носитель светлых начал мира, приобщен к мировой гармонии [13. С. 388]:

Светлый Бальдер! мне навстречу
Ты, как солнце, взносишь лик.
Чем лучам твоим отвечу?
Опаленный, я поник.

В брюсовском восприятии адресата сказалась концепция «света» Белого, восходящая к философии Вл. Соловьева и отразившаяся в «Золоте в лазури». Брюсов же, напротив, в этом послании воплощает «темное начало» («Сумрак, сумрак – за меня»). Он как бы надевает демоническую маску и завершает стихотворение угрозами Бальдеру, про-

рочеством о его гибели, т.е. гибели светлого начала мира, «небесных сил», и о победе тьмы [13. С. 389]:

Но мне явлен Нертой мудрой
Призрак будущих времен,
На тебя, о златокудрый,
Лук волшебный наведен.
<...>
Вскрикнешь ты от жгучей боли,
Вдруг повергнутый во мглу!

В свете своих философских построений Белый воспринял послание Брюсова как нападение на свои жизненные устои. И отвечает ему стихотворным посланием «Старинному врагу» (1904), утверждая победу «света» над «тьмой», своего мироощущения над брюсовским [18. С. 465].

Ты над ущельем, демон горный,
Взмахнул крылом и застил свет.
И в туче черной, враг упорный,
Стоял. Я знал: пощады нет –

И длань воздел – и облак белый
В лазурь меня – в лазурь унес...
<...>
Моя броня горит пожаром.
Копье мне – молния. Солнце – щит.
Не приближайся: в гнев яром
Тебя гроза испепелит.

Белый придавал своему посланию мистическое, «заклинательное» значение; его отправление Брюсову должно было отвести от него «дьявольское» наваждение адресата: «Пока писал – чувствовал: через меня пробегает нездешняя сила; и – знал: на клочке посылая заслуженный неотвратимый удар (прямо в грудь), отучающий Брюсова от черной магии – раз навсегда, грохотала во мне сила света» [11. С. 387].

В посланиях поэтов разыгрывается психологический поединок. Такая установка со стороны Брюсова была исполнением взятой на себя роли. Но она имела под собою и глубокое внутреннее противостояние его мировоззренческой системы этическим и эстетическим взглядам А. Белого.

Необходимо отметить, что проанализированный выше сюжет проецируется на биографические реалии, связанные с отношениями внутри любовного треугольника «Брюсов – Белый – Петровская» (см. об этом: [1. С. 334–339; 12. С. 183–213]).

Однако эта стихотворная переписка отразила не только мучительную личную борьбу Белого с Брюсовым, но и противостояние младосимволистов декаденству «старших», представление о котором связывалось у Белого с именем Брюсова. Подтверждение этому – письмо Брюсову (около 28 сентября 1905 г.), в котором Белый формулирует отличия декадентов от символистов: «Разве мое присоединение к вам было основано на литературном знакомстве, а не на общности в деятельности работы творчества – не форм искусства, а форм жизни (между прочим искусства). <...> Оба (т.е. Брюсов и Бальмонт. – Л.К., А.Л.) вы догматики. Оба вы еще в старом. К “новому” вы относитесь одними знаками “минус”. <...> Я не с вами» [1. С. 387–389].

Синтез. Развязка коммуникативной драмы мэтров символизма. Заключительный этап развития сюжета связывается со снятием раннее выявленных антитез, их своеобразным синтезом. Этот синтез был намечен в мифотворческом послании Брюсова «Бальдеру II» (1905) и развернут в его финальном послании «Андрею Белому» (1909). Тему примирения подхватывает и Белый в цикле «В. Брюсову» (1904–1909), включающем в себя стихотворения «Поэт», «Созидатель», «Маг» и «Встреча».

В стихотворении «Бальдеру II» (1905) ретроспективно отражен и личный конфликт поэтов (сложные, запутанные отношения между Брюсовым, Белым и Н. Петровской), и метапоэтическая тематика, сопряженная с символистской идентификацией [19. С. 502–503]. Ср.:

Кто победил из нас, – не знаю!
Должно быть, ты, сын света, ты!
И я, покорствуя, встречаю
Все безнадежные мечты.

Брюсов как будто сомневается в своей победе (ср. «Кто победил из нас не знаю...») и дает право сопернику на духовное превосходство [19. С. 502]:

Но в самом ужасе паденья,
На дне отчаянья и тьмы,
Твой дальний луч рассеял тени,
И в небеса взглянули мы!

Это стихотворение при жизни Брюсова не было опубликовано. Однако его ключевые темы и мотивы были развиты в стихотворении «Андрею Белому» (1909), на которое вскоре ответил сам Белый в цикле «В. Брюсову» (1909). *Этот обмен стихами стал итогом семилетней полемики писателей, которая заканчивается теургическим примирением поэтов, утверждением похожести их судеб и путей.*

Так, в брюсовском послании развернута поэтическая характеристика отношений поэтов, которые расцениваются как «путь к высотам». В этом послании Брюсов анализирует их тайную вражду и тайную близость [13. С. 540]:

Нас не призвал посланник божий
В свой час, как братьев, от сетей.
И долго были непохожи
Изгибы наших двух путей.

Сюжет стихотворения построен на евангельских аллюзиях (Мф. IV: 18–19).

Брюсов считает, что они с Белым, изначально – братья, «апостолы новой веры», но как бы недовопплотившиеся («...не призвал посланник божий»). Ключ к этому стихотворению – в письме Брюсова к Андрею Белому (после 12 августа 1904 г.). В этом письме Брюсов поднимает вопрос об общественной значимости искусства, о назначении современного художника: «Нет в нас достаточной воли для подвига. <...> А мы, пришедшие для подвига, мы, ищущие восторга, покорно остаемся в четырех условиях “светской жизни” <...> и покорно повторяем слова, утратившие и первичный и даже свой вторичный смысл. Мы привычно лжем себе и другим. И вдруг удивляемся, что не дано нам чудотворить, не дано нам просиять!» [1. С. 378–379].

Что делает Белый? Он завершает эту полемику, ставит точку в извечном споре, вспоминая и концептуализируя всего его этапы в цикле «В. Брюсову» (1909). Мы выдвигаем предположение, что этот завершающий этап сюжета Белый вписывает в классическую младосимволистскую триаду: тезис – антитезис – синтез.

В своем заключительном цикле, посвященном Брюсову, Белый воспроизводит эту «триаду» их отношений. Так, в стихотворении «Созидатель» (1904), открывающем цикл, «позиционирует» Брюсова как всемогущего мага, покорителя вершин, отсылая к своему раннему тексту «Маг» (1903), посвященному Брюсову. Это стихотворение выполняет в данном цикле функцию *тезы* [15. С. 700]. Ср.:

Где-то там... за небосклоном
Засверкает новый мир; –
Там за гранью небосклона –
Небо, небо наших душ:
Ты его в земное лоно
Рифмой пламенной обрушь.

Затем в стихотворении «Маг» (1908), которое играет роль антитезы, этот Брюсов позиционируется как темный маг, противостоящий

свету: его образ обретает дьяволические коннотации: «Ты шел путем не примиренья – / Люцеферическим путем» [15. С. 701].

Синтез явлен в завершающем цикл стихотворении «Встреча» (1909), которое содержит в себе ряд цитат из текста Брюсова «Андрею Белому» (1909). Белый заимствует и обыгрывает ключевые символы брюсовского текста (образ скал, «братоубийственной руки», «жезла змеиноного» и «посоха костяного»), встраивая в теургический сюжет.

Снятие противоположностей между двумя ипостасями пророка – магической и мистической – а фактически между Брюсовым и Белым – образно кодируется в символическом акте обмена *жезлом* и *посохом* [15. С. 702]:

Пусть шел ты от одной долины,
Я – от другой (мой путь иной): –
Над этой вечной крутизной
На посох бедный костяной
Ты обменял свой жезл змеиный.

Посох и *жезл* оказываются объектами обмена, так как именно эти артефакты могут прочитываться как метонимические символы пути. Сопряжения этих образов показывает, что общесимволистский путь един в своих разных вариантах, ср. у Брюсова «Пойдем ли дальше в путь единый...» [13. С. 540] и Белого: «Мы смотрим на одни вершины, / Мы смотрим на один закат» [15. С. 703].

Выводы

1. Таким образом, взаимонаправленные тексты Белого и Брюсова проецируются сразу на два уровня: прагматико-биографический и философско-поэтологический. Сопряжение этих аспектов приводит к феномену теургии, реализованной в пространстве текста и жизни.

2. *Прагматический уровень* связывается с тем, что адресованные тексты как бы иницируют (предвосхищают, а порой и провоцируют!) определенные биографические события. Так, в послании Брюсова «Бальдеру Локи» свернута ситуация противостояния, которая в мифологическом плане предстает как нападение Локи на Бальдера, а в реально-жизненном пространстве, как вызов Белого на дуэль [1. С. 336–339]. При этом в житетворческом ключе начинают двоиться образы: стрела из текста («Я слепцу вручу стрелу...» [13. С. 389]) превращается в вызов на дуэль (см. его письмо от 20 февраля 1905 г. [11. С. 381–382]). Впоследствии эта дуэльная провокация отразится и в романе «Огненный ангел», прототипом одного из героев которого стал Белый [20. С. 215–230].

3. *Философско-поэтологический уровень* этого «коммуникативного противостояния» оформляется в коде квазироманного текста со своей завязкой (тезой), кульминацией (антитезой) и развязкой (синтезом). Перед нами как бы развертываются романские диалоги «в извлечении», «потерявшие» повествователя, но содержащие ядерные фрагменты сюжета, которые могут быть реконструированы читателем на основе знания биографических и социокультурных реалий. В конечном счете основой этого квазиромана оказывается младосимволистский сюжет соловьевского толка – с воздвижением, а затем снятием всех онтологических и экзистенциальных антиномий. Так, первый этап знаменует борьбу «горы» и «бездны», второй этап осложняется более общими бытийственными антитезами (света и тьмы, добра и зла, ангельского и демонического), на последнем синтезирующем этапе все противопоставления снимаются. Символически эта нейтрализация маркируется мотивами примирения и обмена, при этом данные мотивы одинаково ярко выражены как в финальных адресациях Брюсова, так и Белого.

4. Мотив диалектического взаимодействия противоположностей в целом характерен для символизма, в данном случае сложная и долгая полемика вполне закономерно разрешилась в рамках символистской модели. Соловьевский сюжет в этом смысле оказывается механизмом семантической медиации, который помогает разрешить как жизненные, так и творческие противоречия, в обретении не «единственно возможного», а единого пути. В этом смысле стихотворная полемика может прочитываться как своеобразный эмбрион/ген символистского романа, где мысль об онтологическом тождестве оплотняется на эпическом сюжетно-повествовательном уровне.

Итак, можно констатировать, что поэтическая коммуникация символистов, в нашем случае Брюсова и Белого, каждый из которых претендует на воплощение высших истин бытия, возможна при особых условиях, суть которых выразил Вл. Ходасевич в воспоминаниях о Брюсове и Белом (ср.: «Символизм не хотел быть только художественной школой, литературным течением. Все время он порывался стать жизненно-творческим методом» [12. С. 179]).

Каждый из адресантов при этом готов признать за адресатом право на особую роль, находящуюся в определенной корреляции со своей собственной житнетворческой ролью.

При этом сама ролевая парадигма, почти всегда имеющая мифологическую проекцию, не задана предварительно, а создается непосредственно в процессе эпистолярного общения, рассчитанного на адресата, предрасположенного к подобной теургической «игре». Отсюда повышение удельного веса «рамы» текста, которой отводится функция

биографической и символично-мифологической «свертки», семантического кода восприятия текста собрата по переписке.

Список источников

1. *Гречишин С.С., Лавров А.В.* Переписка с Андреем Белым. 1902–1912 / вступ. ст. и публ. С.С. Гречишкина и А.В. Лаврова // Литературное наследство Т. 85: Валерий Брюсов. М. : Наука, 1976. С. 327–428.
2. *Круглова Т.С.* Коммуникативные установки Андрея Белого в лирических обращениях к поэтам-современникам // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2010. № 3 (15). С. 85–90.
3. *Лавров А.В.* Русские символисты: этюды и разыскания. М.: Прогресс-Плеяда, 2007. 629 с.
4. *Магомедова Д.М.* Стихотворные диалоги Валерия Брюсова // Брюсовские чтения 2006 года : сб. ст. Ереван : Лингва, 2007. С. 30–41.
5. *Силард Л.* О символах восхождения Андрея Белого. К постановке вопроса // Андрей Белый в изменяющемся мире: к 125-летию со дня рождения. М. : Наука, 2008. С. 17–42.
6. *Спивак М.Л.* Андрей Белый – мистик и советский писатель. М. : РГГУ, 2006. 578 с.
7. *Темришина О.* Между образом и понятием. Символ в «Эмблематике смысла» А. Белого // Филология и культура. 2020. № 4 (62). С. 140–146.
8. *Ханзен-Лёве А.* Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / пер. с нем. М.Ю. Некрасова. СПб. : Академический проект, 2003. 816 с.
9. *Ханзен-Лёве А.* Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм / пер. с нем. С. Бромерло, А.Ц. Масевича и А.Е. Барзаха. СПб. : Академический проект, 1999. 512 с.
10. *Белый А.* Начало века. М. : Худ. лит., 1990. 704 с.
11. *Белый А.* Начало века. Берлинская редакция (1923). М. : Наука, 2014. 1064 с.
12. *Ходасевич В.* Некрополь: Конец Ренаты, Брюсов, Андрей Белый // Серебряный век. Мемуары. М. : Сов. писатель, 1990. С. 177–227.
13. *Брюсов В.* Собр. соч. : в 7 т. Т. 1: Стихотворения. Поэмы. 1892–1909. М. : Худ. лит., 1973. 672 с.
14. *Брюсов В.* Северные цветы Ассирийские, 1905. М. : Скорпион, 1906. Вып. 4. 252 с.
15. *Белый А.* Полное собрание сочинений : в 2 т. М. : АЛЬФА-КНИГА, 2011. Т. 2. 1260 с.
16. *Богомолов Н.А.* Спиритизм Валерия Брюсова // Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М. : НЛЮ, 2000. С. 279–310.
17. *Младшая Эда.* Л. : Наука, 1970. 178 с.
18. *Белый А.* Стихотворения и поэмы. 2-е изд. М. ; Л. : Сов. писатель, 1966. 656 с.
19. *Брюсов В.* Стихотворения и поэмы. Л. : Сов. писатель, 1961. 910 с.
20. *Миц З.Г.* Граф Генрих фон Оттергейм и «Московский ренессанс». Символист Андрей Белый в «Огненном ангеле» Брюсова // Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации. М. : Сов. писатель, 1988. С. 215–240.

References

1. Grechishin S.S., Lavrov A.V. (1976) *Perepiska s Andreyem Belym. 1902-1912* [Correspondence with Andrei Bely. 1902-1912] / Vstup. st. i publ. S.S. Grechishkina i A.V. Lavrova // *Literaturnoye nasledstvo* Vol. 85: Valeriy Bryusov. M.: Nauka. pp. 327–428.

2. Kruglova T.S. (2010) Kommunikativnyye ustanovki Andrey Belogo v liricheskikh obrashcheniyakh k poetam-sovremennikam [Communicative attitudes of Andrei Bely in lyrical appeals to contemporary poets] // *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki.* 3 (15). pp. 85–90.
3. Lavrov A.V. (2007) *Russkiye simvolisty: etyudy i razyskaniya.* [Russian symbolists: studies and searches]. M.: Progress-Pleyada. 629 p.
4. Magomedova D.M. (2007) Stikhotvornyye dialogi Valeriya Bryusova [Poetic dialogues of Valery Bryusov] // *Bryusovskiy chteniye 2006 goda / Sb. statey.* Yerevan: Lingva. pp. 30–41.
5. Silard L. (2008) O simvolakh voskhozhdeniya Andrey Belogo. K postanovke voprosa [On the symbols of the ascent of Andrei Bely. On the formulation of the question] // *Andrey Bely v izmenyayushchemsya mire: k 125-letiyu so dnya rozhdeniya.* M.: Nauka. pp. 17–42.
6. Spivak M.L. (2006) Andrey Bely – mistik i sovetskiy pisatel' [Andrey Bely – mystic and Soviet writer]. M.: RGGU. 578 p.
7. Temirshina O. (2020) Mezhdubrazom i ponyatiem. Simvol v "Emblematike smysla" A. Belogo [Between image and concept. Symbol in A. Bely's "Emblematics of Meaning"] // *Filologiya i kul'tura.* 4 (62). pp. 140–146.
8. Khanzen-Love A. (2003) Russkiy simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Mifopoeticheskiy simvolizm. Kosmicheskaya simvolika [Russian symbolism. The system of poetic motives. mythopoetic symbolism. Cosmic symbolism] / Per. s nem. M.Yu. Nekrasova. SPb., Akademicheskiiy proyekt. 816 p.
9. Khanzen-Love A. (1999) Russkiy simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Ranniysimvolizm [Russian symbolism. The system of poetic motives. Early Symbolism] / Per. s nem. S. Bromerlo, A.Ts. Masevicha, A.Ye. Barzakha. SPb. Akademicheskiiy proyekt. 512 p.
10. Bely A. (1990) Nachaloveka [Beginning of the century.] M.: Khudozh. lit. 704 p.
11. Bely A. (2014) Nachaloveka. Berlinskaya redaktsiya (1923) [Beginning of the century. Berlin edition (1923)]. M.: Nauka. 1064 p.
12. Khodasevich V. (1990) Nekropol': Konets Renaty, Bryusov, Andrey Bely [Necropolis: The End of Renata, Bryusov, Andrei Bely] // *Serebryanyy vek. Memuary.* M.: Sov. pisatel'. pp. 177–227.
13. Bryusov V. (1973) *Sobr. soch.: v 7 t. T. 1. Stikhotvoreniya. Poemy. 1892–1909.* [Collected Works, in 7 vols. Vol. 1. Poems. 1892 – 1909] M.: Khudozh. lit. 672 p.
14. Bryusov V. (1906) Severnyye tsvety Assiriyskiye [Northern flowers of Assyria]. Vyp. 4. M.: Skorpion. 252 p.
15. Bely A. (2011) *Poln. sobr. soch.: v 2 t. T.2* [Full compilation of works, in 2 vols. Vol. 2] M.: Al'fa-Kniga. 1260 p.
16. Bogomolov N.A. (2000) Spiritizm Valeriya Bryusova [Spiritism of Valery Bryusov] *Russkaya literatura nachaloveka i okkul'tizm.* M.: NLO. pp. 279–310.
17. Mladshaya Eda. [Younger Eda] (1970) L.: Nauka. 178 p.
18. Bely A. (1966) Stikhotvoreniya i poemy [Verses and poems] M., L.: Sov. pisatel'. 656 p.
19. Bryusov V. (1961) Stikhotvoreniya i poemy [Verses and poems]. L.: Sov. pisatel'. 910 p.
20. Mints Z.G. (1988) Graf Genrikh fon Ottergeym i "Moskovskiy renessans. Simvolist Andrey Bely v "Ognennom angele" Bryusova [Count Heinrich von Otterheim and "Moscow Renaissance. A symbolist, Andrey Bely, in "The Fiery Angel" by Bryusov] // *Andrey Bely: Problemy tvorchestva: Stat'i, vospominaniya, publikatsii.* Sb. M.: Sov. Pisatel'. pp. 215–240.

Информация об авторах:

Кихней Л.Г. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории журналистики и литературы Московского университета им. А.С. Грибоедова (Москва, Россия). E-mail: lgkihney@yandex.ru

Ламзина А.В. – кандидат филологических наук, доцент департамента лингвистики Московского физико-технического института (Национального исследовательского университета) (Долгопрудный, Россия). E-mail: alamzina@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Kikhney L.G., D.Sc. (Philology), Professor, Head Department History of Journalism and Literature of the Moscow University named after A.S. Griboyedov (Moscow, Russia). E-mail: lgkikhney@yandex.ru

Lamzina A.V., Ph.D. (Philology), Associate Professor of the Department of Linguistics of the Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University) (Dolgoprudny, Russia). E-mail: alamzina@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 26.10.2022; принята к публикации 09.11.2022

Received 26.10.2022; accepted for publication 09.11.2022